

А.Беленок

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОЦЕНКАХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

1990-е годы войдут в отечественную историю как драматическое время радикальных социально-экономических реформ. Классообразование, становление новой социальной структуры украинского общества изначально происходили в условиях трансформации “сверху”, как следствие неправового, несправедливого перераспределения социального богатства среди различных групп и слоев населения. Теоретико-методологические предпосылки анализа трансформирующегося общества изложены в работах украинских социологов – И.Поповой, В.Тарасенко, Е.Головахи, А.Ручки и др. Исследованию модификации социально-классовой структуры в условиях постсоветской трансформации, эмпирическому применению многомерных методик по отношению к стратификационным порядкам посвящены труды Н.Паниной, С.Макеева, О.Куценко и др. В условиях хаотичности, противоречивости украинских реформ, отложенности и непредсказуемости их результатов именно субъективная компонента деятельности личности (самооценка своего социального статуса, ощущение своего/не своего времени/места, саморефлексия в терминах мобильности/иммобильности, конструирование образа социальной структуры и желаемого будущего) становится не менее (а то и более) индикативным параметром изменения социальной структуры, чем фактическое социальное поведение. Поскольку фактор возраста во многом задает как жизненные рамки возможностей и ограничений для отдельного индивида, так и баланс обретений и потерь от

реформ больших социальных общностей, именно поколенческий подход позволяет оценить реальные последствия для различных категорий населения переходного периода, начавшегося с конца 1980-х годов и продолжающегося до сих пор, их адаптацию к новой социально-экономической ситуации, а также более обоснованно прогнозировать тенденции развития украинского общества на перспективу. Предметом нашего исследовательского интереса является преобладание и изменчивость тех или других социально-экономических оценок, ориентаций и установок населения Украины, зафиксированных на различных этапах общественных преобразований.

Информационной базой статьи послужили данные ежегодного репрезентативного мониторинга Института социологии НАН Украины за 1994–2006 гг. В целях увеличения наполненности ячеек в таблицах распределения и расширения возможности для проведения углубленного фронтального анализа состояний и тенденций в оценках и самооценках граждан, нашей коллегой А.Патраковой было осуществлено объединение массивов (при этом группировались только те признаки, которые были представлены в каждом из 13 массивов). Всего было сформировано три объединенных массива, каждый из которых характеризовал особый этап в социально-экономической эволюции украинского общества. *Первый* объединенный массив (1994–1998 гг., N=8991) охватывает период, на начальном этапе которого происходил резкий спад производства, возрастание теневой экономики и рост уровня безработицы, и только к 1998 г. население в целом приходит в себя после шоковой терапии и постепенно адаптируется к новым экономическим условиям. *Второй* объединенный массив (1999–2002 гг., N=7203) относится к фазе экономической стабилизации, началу с 2000 г. устойчивого экономического подъема. *Третий* объединенный массив (2003–2006 гг., N=7195) приходится на кредитно-потребительский бум и, несмотря на замедление к концу периода темпов эконо-

мического роста, отражает закрепление обозначившихся в предыдущий период тенденций оценок ситуации в стране и самооценок граждан Украины.

В нашей работе использован когортный принцип выделения поколений. Вся выборочная совокупность разделена по возрасту на пять групп, представители которых встретили период трансформаций конца 1980 – начала 1990-х годов, находясь на разных этапах социализации. Эти группы таковы: 1) 18–25-летние; 2) 26–35-летние; 3) 36–45-летние; 4) 46–55-летние; 5) респонденты 56-летние и более старшего возраста. Наиболее активная фаза трудовых биографий представителей различных групп пришлась на различные периоды общественных трансформаций (так, для одних переходный период был половиной индивидуального жизненного пути, другие, собственно, не знали перехода, а прямо включились в предложенные “правила игры”). Важно, что анализ таких возрастных когорт позволяет составить характеристику социальных процессов на разных этапах развития общества и зафиксировать динамику его развития.

Стратификационная модель украинского общества, основанная на самооценках респондентов по семибальной шкале статусной “лестницы” (самый низкий статус – 1 балл, самый высокий – 7 баллов), приводится в *табл. 1*.

Таблица 1

**Самооценка своего положения в обществе
в зависимости от возраста респондентов (средний балл)**

Объединенные массивы	Возрастные группы				
	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56 и старше
I (1994–1998 гг.)	3.03	2.83	2.68	2.45	2.14
II (1999–2002 гг.)	3.10	2.96	2.71	2.59	2.16
III (2003–2006 гг.)	3.39	3.32	3.15	3.03	2.63

Как свидетельствуют данные, устойчивой тенденцией, прослеживаемой на протяжении всех периодов, является обратная зависимость субъективной самооценки своего места на условной социальной лестнице от возраста респондентов. Чем выше возрастная группа, тем ниже соответствующий балл. Максимальные значения средних показателей наблюдаются в группе 18–25-летних. Респонденты, опрашиваемые в III периоде, то есть “новые молодые”, “новые средние”, “новые пожилые”, демонстрируют большую самооценку места в пространстве социальных статусов, чем в середине и особенно – в начале наблюдений, но соотношение самооценок остается прежним. Таким образом, к 15-летию рыночных реформ произошла известная консервация субъективной социальной структуры украинского общества в ее возрастном разрезе, когда показатель возраста в значительной мере служит пропуском на соответствующую ступень субъективной социальной лестницы.

При анализе данных, касающихся динамики субъективных социальных статусов от периода к периоду (табл. 2) обращает на себя внимание тот факт, что заметно уменьшается количество респондентов, относящих себя к двум нижним ступеням условной социальной лестницы (в I периоде таких 46,2%, а в III – 30,3%), а также несколько увеличивается количество респондентов, относящих себя к двум верхним ступеням (в I периоде – 0,8%, а в III – 1,5%). Самыми распространенными самооценками на протяжении всех периодов остаются отнесение себя к третьей и четвертой ступени. Суммарно же тех, кто относил себя к третьей–пятой ступеням – 53,0% в I периоде, а в III – таких уже 68,2%. (Можно допустить, что агрегирование этих субъективных страт указывает на некий средний протослой). И хотя эти данные говорят косвенно в пользу сопутствующего социально-экономического роста, было бы опрометчиво на их основании выводить соответствующую-

щий процент среднего класса. Во-первых, в выборку опрошенных, как правило, не попадают представители “социального дна” и крупной олигархии, а во-вторых, многие авторы, в частности Ю.Левада, обращают внимание на то, что основная масса людей предпочитает идентифицировать себя с неким средним статусом, с “массой” (установка на “середины”), не допуская серьезных отклонений от нормативно ожидаемых образцов [1, с. 301]. В.Ядов считает, что, относя себя к среднему классу, большинство респондентов оглядываются на свое советское прошлое [2, с. 40], Т.Заславская приходит к выводу, что в постсоветских условиях есть “срединный” класс, но не средний [3].

Таблица 2

Динамика самооценок социального статуса (%)

Ступени воображаемой социальной лестницы	Объединенные массивы		
	I (1994–1998 гг.)	II (1999–2002 гг.)	III (2003–2006 гг.)
1 (нижняя)	22,4	19,7	12,1
2	23,8	24,7	18,2
3	32,9	33,1	34,5
4	17,9	18,9	26,2
5	2,2	2,8	7,5
6	0,4	0,3	0,8
7 (верхняя)	0,4	0,5	0,7

Отмеченная многими украинскими и российскими социологами зависимость вклада в становление новых неравенств другой переменной, а именно – типа предприятия, где работает респондент, выделенного по форме собственности – государственного или негосударственного (частного), в свою очередь, побуждает рассмотреть вопрос о представленности людей из тех или других возрастных групп на предприятиях той или другой формы собственности (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
“В государственном или частном секторе Вы сейчас
работаете?” в зависимости от возраста респондентов (%)**

Объединенные массивы	Возрастные группы									
	18–25 лет		26–35 лет		36–45 лет		46–55 лет		56 и старше	
	гос.	час. тн.	гос.	час. тн.	гос.	час. тн.	гос.	час. тн.	гос.	час. тн.
I (1994–1998 гг.)	35,3	15,4	54,8	16,6	65,3	12,6	63,1	8,0	15,1	1,2
II (1999–2002 гг.)	24,0	17,8	40,5	27,8	49,7	21,7	46,9	15,3	10,2	1,9
III (2003–2006 гг.)	21,0	30,4	35,9	38,1	41,0	31,0	40,0	23,4	8,1	4,5

Мы сознательно акцентируем внимание лишь на этих двух секторах экономики, в которых максимально концентрированно реализуются различные жизненные стратегии (ориентация на социальную защищенность со сравнительно небольшим материальным вознаграждением либо на повышенные доходы, сопряженные с риском). (Суммы ответов меньше 100%, так как в таблице не приводятся другие варианты ответа).

Соотношение работающих в государственном и негосударственном секторах экономики среди 18–25-летних и 26–35-летних респондентов, поначалу в I периоде убедительное в пользу госсектора, в III периоде меняется на обратное – в пользу негосударственного (достигая максимума 38,1% работающих в новой экономике среди 26–35-летних). В группе 36–45-летних и 46–55-летних госсектор постепенно к III периоду уступает пространство негосударственному, но, тем не менее, продолжает оставаться, судя по ответам респондентов, на первом месте в структуре занятости. С возрастом число тех, кто работает в частном секторе, уменьшается до 4,5% (группа 56-летних и старших). Это вполне объяснимо, так как “новые частные предприятия – это прежде всего коммерческие организации, где не так важны квалификация и опыт работы, которые имеют старшие поколения, как способность к обучению и переквалификации, выносливость, оперативность. Именно

этими качествами в большей степени обладает молодежь. Кроме того, и в новых высокотехнологичных отраслях требуется современная подготовка, которая наиболее успешно осваивается молодыми” [4, с. 84]. С другой стороны, обострение проблем занятости в каждый новый момент очерчивает новые контуры перспективных и неперспективных ее сфер, и поэтому с развитием малого и среднего бизнеса в новые сектора экономики будут перетекать не только молодые, но и средние поколения – по идее, наиболее активная, дееспособная часть общества, накопившая за 1990-е и последующие годы как уникальный опыт выживания, так и раннюю социальную усталость. При неизбежных структурных изменениях в экономике серьезным резервом для устойчивости социальной структуры является стимулирование занятости среднего поколения, в отношении которого многочисленными СМИ создается стереотип, чуть ли не стигма как неуспешно адаптировавшегося к рыночным условиям. Было бы ошибкой ту или другую возрастную группу считать старым или новым поколением только из-за даты рождения. Вполне вероятно, что по отдельным компонентам человеческого капитала “отцы” превосходят “детей”.

Наибольший социальный пессимизм в течение 1990-х годов, по данным многих опросов, проявляло старшее поколение, в массе своей отягощенное жизненными невзгодами, хронической застойной бедностью (особенно это касается неработающих пенсионеров), утратой жизненной перспективы, надежды увидеть позитивные изменения в стране. Что же касается работающих пенсионеров, тут ситуация несколько иная. Общей тенденцией в отношении уровня удовлетворенности своей работой в целом, исходя из самооценок работающих респондентов (1 J i J 5), является та, что во всех периодах максимально удовлетворены работающие из старшей возрастной группы (56 лет и старше), стабильно низко удовлетворены работающие из групп 36–45-летних и 46–55-летних. Это объяснимо, так как наше законодательство позволяет работающим пожилым людям получать и зарплату, и пенсию (смысл кото-

рой – компенсация недополучаемой зарплаты), в то время как работающие среднего возраста, как правило, несут двойную нагрузку (физическую, налоговую) на содержание несовершеннолетних детей и пожилых родителей. Да и сам факт работы в условиях бедственного положения многих неработающих пенсионеров может восприниматься 56-летними и старшими респондентами как своего рода избранность. Больше среднего поколения и меньше пожилых удовлетворены своей работой в целом респонденты, относящиеся к двум младшим возрастным группам. Причем представители 26–35-летних в большей степени, чем работающие других возрастов, улучшили свой показатель. Отставание 36–45-летних по анализируемому параметру от 26-35-летних постепенно нарастает, что является одним из штрихов к многократно описанному явлению нереализованности среднего поколения (особенно когорты рожденных в 1960-е годы, отдельные же жизненные судьбы не противоречат общей закономерности) (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
“Насколько Вы удовлетворены своей работой в целом?”
в зависимости от возраста респондентов (средний балл)**

Объединенные массивы	Возрастные группы				
	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56 и старше
I (1994-1998 гг.)	2.88	2.71	2.70	2.73	2.99
II (1999-2002 гг.)	2.77	2.82	2.73	2.72	2.88
III (2003-2006 гг.)	3.00	3.05	2.97	2.97	3.09

Одним из ключевых показателей ориентации индивидов в новой ситуации, адаптации к новым социально-экономическим реалиям, стратегии готовности к повышению своего статуса в более или менее открытой конкуренции благодаря дополнительным трудовым усилиям, активности, повышению квалификации, смелости менять в случае необходимости привычный характер своей дея-

тельности является согласие работать в негосударственном секторе экономики, начиная со статуса наемного работника у частного предпринимателя. Соответствующий балл, исходя из вопроса анкеты, варьировался в пределах 1 J i J 5. Данные мониторинга (*табл. 5*) показывают, что чем младше респонденты, тем в большей степени согласны они работать у частного предпринимателя.

За исследуемый отрезок времени закономерность потери конкурентоспособности на нецивилизованном рынке труда не утратила объяснительной способности. Но в III периоде, по сравнению с II, средние баллы согласия во всех возрастных группах ниже, а во II – ниже, чем в I (единственное исключение – всплеск согласия работать у частного предпринимателя среди 26–35-летних во II периоде, впоследствии снизившийся). Значит, проблема еще глубже – в макроусловиях (в большем ли осознании степени эксплуатации, нестабильности ли ведения бизнеса – предстоит выяснить в дальнейших исследованиях). Наше объяснение может быть сведено к ощущению респондентами закрытости социального лифта. Почти все престижные ниши в общественном разделении труда заполнены. Честным трудом проблематично достичь того, что “золотая молодежь” имеет без труда на старте жизненного пути. В сословной иерархии получают не по труду, а по статусу (в т.ч. наследственному). Пока не будет введено прогрессивное (точнее, поступенчатое) налогообложение доходов, а также налог на предметы престижного потребления и роскоши, бедные будут продолжать “помогать” богатым. К сожалению, вопрос о согласии открыть свое дело (то есть стать частным предпринимателем) был включен в опросник мониторинга только в 2004 г., и потому соответствующих данных для сравнения за вышеотмеченные периоды нет.

Известный польский социолог В.Адамский с коллегами определил 1980-е годы как период “селективного отрицания социализма”, а 1990-е – как период “селективного одобрения капитализма” [5, с. 52]. С известной оговоркой данный тезис можно отнести и к Украине. Ускоренная модернизация общественных систем, по оценке В.Адам-

Таблица 5
Уровень согласия работать у частного предпринимателя
в зависимости от возраста респондентов (средний балл)

Объединенные массивы	Возрастные группы				
	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56 и старше
I (1994–1998 гг.)	4.06	3.20	3.57	3.22	2.46
II (1999–2002 гг.)	4.03	3.83	3.43	3.14	2.44
III (2003–2006 гг.)	3.51	3.22	3.02	2.68	2.17

ского, во многом определяется фактором возраста. Средние и старшие поколения все еще находятся под социализирующим воздействием советской эпохи. Это люди, большая часть активной жизни которых (время обучения, военная служба, начало трудовой деятельности, создание семьи) прошла в советское время (примерно 1966 г. рождения и старше). Другая немалая часть населения – те, чей человеческий капитал формировался под влиянием перехода к рынку (1974–1983 гг. рождения) – это продукт переходного процесса, первое постсоветское поколение, уже не советская молодежь, но еще и не рыночная. Они интегрируются в ту социальную реальность, которая есть, в которой они живут по принципу “здесь и сейчас”. В отличие от предшествующих поколений у рыночного (поколения потребительского кредитования) (1984 г. рождения и младше) никакой иной реальности не было и нет.

Межпоколенные различия очень заметны при оценке отношения населения к выбору Украиной того или другого общественно-политического строя. В целом по выборке ни один “чистый” тип общества не набрал больше половины сторонников. Из данных мониторинга следует, что наиболее вероятный тип украинского общества будущего – конгломерат черт различных типов, синтезный строй (“демократический социализм”, “цивилизованный рынок”, “социально ориентированная рыночная экономика”). Именно он представляет собой спасительную альтернативу тому жестокому, несправедливому строю, которым является современный капитализм, позволяет заставить бизнес-

бюрократию поступиться своими корыстными интересами ради интересов основной массы населения, освободить человека труда от социального угнетения, от необходимости продаваться за удовлетворение базовых потребностей и тем самым быть простым средством в руках чуждых ему сил, зависеть от власти и капитала имущих людей.

От сочетания и соотношения компонентов двух альтернативных моделей будущего – либо социализма советского типа в той или другой модификации, либо капитализма, присущего индустриально развитым странам Запада, зависит состояние и перспективы нашего общества. В целом, с некоторой долей условности, можно сказать, что соотношение сторонников социализма и капитализма, особенно в младших возрастных группах, может служить индикатором грядущих изменений в обществе. В *табл. 6* представлено процентное соотношение сторонников социализма и капитализма в каждой возрастной группе, рассчитанное из суммы сторонников этих типов общества (позиции 1 и 2 соответствующего вопроса мониторинга), при этом от позиций 3–6 мы в данном случае абстрагировались.

Общее соотношение по выборке сторонников социализма и капитализма демонстрирует убедительное предпочтение первого типа общества, причем несколько укрепившееся за 15 лет рыночных реформ. Капитализм выигрывает в предпочтениях двух младших возрастных групп – 18–25-летних и 26–35-летних, а сторонников социализма больше среди трех последующих возрастных групп (максимально и практически неизменно – среди 56-летних и более старших людей, причем во всех массивах). Мы предполагаем, что молодежь, чья сознательная жизнь пришлась на период дикого рынка, постепенно, на своем личном опыте убеждается, что хозяева нынешней капиталистической Украины обокрали ее: лишили надлежащей доли собственности, созданной трудом ее отцов и дедов, ограничили доступ к качественному образованию, перекрыли каналы социального продвижения (буржуазия и бюрократия бронирует высокие статусные позиции преимущественно для своих детей).

Таблица 6
Соотношение респондентов, поддерживающих
сторонников социализма и капитализма,
в каждой возрастной группе (%)

Объединенные массивы	Возрастные группы										Среднее соотношение по массиву	
	18–25 лет		26–35 лет		36–45 лет		46–55 лет		56 и старше			
	за социализм	за капитализм	за социализм	за капитализм	за социализм	за капитализм	за социализм	за капитализм	за социализм	за капитализм	за социализм	за капитализм
I (1994–1998 гг.)	31	69	40	60	63	37	71	29	87	13	64	36
II (1999–2002 гг.)	38	62	41	59	57	43	71	29	85	15	65	35
III (2003–2006 гг.)	42	58	46	54	57	43	77	23	86	14	69	31

Если учитывать распределение ответов респондентов на вышеуказанный вопрос по всем шести альтернативам, то сторонников капитализма среди 18–25-летних в III периоде наблюдений – 11,9%, в то время как в I было 22,0%. Это фиксирует и тенденция плавного изменения их соотношения в сторону социализма в группах 18–25-летних, хотя социализму еще не удалось, по данным наших наблюдений, опередить капитализм в сознании молодежи. Это еще не перелом настроений в молодежной среде, а признаки потенциальных социальных изменений. “Обращаются в социализм” не только бывшие юные (18–25-летние в I массиве), в III периоде входящие в первую возрастную подгруппу среднего поколения, но и особенно – бывшие молодые взрослые (26–35-летние в I массиве), к концу III периода составляющие костяк среднего поколения (36–45-летних). Социальная инверсия предпочтений у последних с капитализма на социализм особенно показательна и может означать в какой-то мере осознание коллективной вины

поколения (в частности, когорты рожденных в 1960-е годы) за излишнюю беспечность и пассивность, проявленные при смене строя после 1991 г. (Для подтверждения этой гипотезы необходимы специальные исследования).

Изучение общего и отличного в спектре социально-экономических оценок, ориентаций и установок, свойственных различным поколениям в современной Украине, демонстрирует как сходство отдельных показателей, так и, в большей степени, определенные поколенческие разломы. Существенные межпоколенческие расхождения в социальных установках и поведении, особенно заметные при сравнении крайних возрастных групп, отражают состояние бифуркации в Украине, обусловленное спецификой переходного общества, в котором сосуществуют прежние (не обязательно регрессивные) и новые (не обязательно прогрессивные) нормы и ценности. Их длительный паритет обуславливает специфическую “стабильную нестабильность”, когда облик общества зависит от исхода их взаимопроникновения, так или иначе меняющегося соотношения сил в процессе конкурентного взаимодействия, отягощенного прерыванием хода социокультурной преемственности. Наверняка финансово-экономический кризис вызовет деформацию социальной стратификации. Возможно, прав известный польский социолог Х.Доманьский применительно к межпоколенной мобильности: “Мы анализируем данные с близкого временного расстояния... Стабильные изменения ...обнаруживаются с расстояния нескольких десятилетий” [6, с. 35]. Историческое изживание (“снятие”) прежних оснований функционирования общества может показаться радикальным группам чересчур медленным, и тогда очередная модернизация “сверху” по безальтернативным лекалам может повести новый счет победителей и жертв истории. В любом случае наши наблюдения подтверждают привлекательность поколенческого подхода как концептуального инструмента, полезного для объяснения социальной дифференциации. В целом ось поколенческого единства – размежевания современного украинского общества является одним из существенных факторов

социальной стратификации. Глазами поколений можно увидеть то, куда идет украинское общество, так как разные возрастные группы по-разному поддерживают одни социальные изменения и по-разному сопротивляются другим.

Разработка и дальнейшее развитие поколенческого подхода может быть реализована как в новых теоретических поисках, так и в новых эмпирических исследованиях. Так, помимо описания социальных групп, которые, несмотря на нестабильность в период реформ, воспроизвели свое социальное положение или изменили его в ту или другую сторону, напрашивается анализ и изучение групп, состоящих из мобильных и немобильных индивидов, выделенных по другому основанию, а именно: по эффективности усилий по поддержанию (достижению) того или иного социального статуса (и наложения этих двух делений при построении более точной типологии). Интересным совместным для социологов и психологов проектом представляется также составление матрицы статусных переходов, достаточно подробно фиксирующей сохранение или изменение статусного признака на различных этапах жизненного пути индивида, вознамерившегося покорить социальную структуру.

Литература

1. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М., 2000.
2. *Ядов В.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. – СПб., 2006.
3. *Заславская Т.* Социокультурный аспект трансформации российского общества // СОЦИС. – 2001. – № 8. – С. 3–11.
4. *Беляева Л.* Современная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. – М., 2001.
5. *Адамский В., Заборовский В., Пелчиньска-Налэнч К.* Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980–2000 гг. // СОЦИС. – 2002. – № 6. – С. 50–62.
6. *Доманьский Х.* Появление в Польше меритократии // СОЦИС. – 2002. – № 6. – С. 29–49.